

«ВНУТРЕННИЙ ОБРАЗ СТИХА» И ВНУТРЕННЕЕ СЛОВО: «РАЗГОВОР О ДАНТЕ» О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Л.Г. Кихней

Московский университет им. А.С. Грибоедова, Москва, Россия; lgkihney@yandex.ru

О.Р. Темиршина

*Российский государственный социальный университет, Москва, Россия;
o.r.temirshina@yandex.ru*

Аннотация: Объектом исследования является эссе Мандельштама «Разговор о Данте», рассмотренное в психолингвистическом ракурсе. Выдвигается гипотеза о том, что проблема генезиса поэтического текста в метапоэтике Мандельштама имеет свое онтологическое обоснование в идее внутреннего слова. Такая связь может объясняться тем, что художественный текст рассматривается Мандельштамом в его генетическом измерении — с позиции порождения художественной речи.

Сосредоточенность Мандельштама на генетическом аспекте рождения слова приводит к закономерным пересечениям исканий поэта с психологическими концепциями внутренней речи.

Так, во-первых, внутренний образ стиха, стоящий, по мнению Мандельштама, у начала поэтического текста, типологически родствен внутреннему слову. Оба феномена соотнесены с дотекстовой / доречевой реальностью, имеют двойную привязку к образу и слову и первично проявляются в артикуляционно-синтаксическом коде.

Во-вторых, общим для внутреннего слова и художественного слова, взятого в его генетическом измерении, оказываются сами принципы его воплощения в речи. Как «стусок личностных смыслов» (Выготский) в своем развертывании движется от первичного «синсемантического» состояния к вербальной дифференциации, так и «композиционный стусок» (Мандельштам), первоначально возникающая как единый смысловой порыв, разворачивается в уровневом пространстве языка.

В-третьих, и внутреннее слово, и постулируемая Мандельштамом художественная целостность существуют в особом пространственном модусе, который характеризуется смысловой симультанностью и абсолютным доминированием семантики над синтаксисом.

В-четвертых, готовое речевое произведение Мандельштамом понимается одновременно как результат и как процесс, что, с одной стороны, ведет к эстетике черновика, а с другой — сопрягает идеи Мандельштама с концепциями

внутренней речи, где в готовом речевом продукте обнаруживаются остатки первичного смыслового синтаксирования.

Ключевые слова: О.Э. Мандельштам; внутренняя речь; внутреннее слово; поэтическая семантика; психопоэтика; «Разговор о Данте»

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-7

Для цитирования: Кихней Л.Г., Темиршина О.Р. «Внутренний образ стиха» и внутреннее слово: «Разговор о Данте» О.Э.Мандельштама в психолингвистической перспективе // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 86–102.

“THE INTERNAL FORM OF THE VERSE” AND THE INNER WORD: OSIP MANDELSTAM’S CONVERSATION ABOUT DANTE IN THE PSYCHOLINGUISTIC PERSPECTIVE

L.G. Kikhney

Griboedov Moscow University, Moscow, Russia; lgkikhney@yandex.ru

O.R. Temirshina

Russian State Social University, Moscow, Russia; o.r.temirshina@yandex.ru

Abstract: The object of the study is Mandelstam’s article *Conversation about Dante*, considered in a psycholinguistic perspective.

The article puts forward a hypothesis that the problem of the genesis of a poetic text in Mandelstam’s metapoetics has its ontological justification in the idea of inner word. Such a connection can be explained by the fact that the literary text is considered by Mandelstam in its genetic dimension — from the standpoint of the generation of literary speech.

Mandelstam’s focus on the genetic aspect of the birth of a word leads to regular intersections of the poet’s searches with the psychological concepts of inner speech.

So, firstly, the inner image of the verse, which, according to Mandelstam, stands at the beginning of the poetic text, is typologically related to the inner word. Both phenomena are correlated with pre-text / pre-speech stage, have a double representation as image and the word, and are primarily manifested in the articulatory-syntactic code.

Secondly, the principles of unfolding turn out to be common to the inner word and the artistic word, taken in its genetic aspect. Just as the “clot of personal meanings” (Vygotsky) in its deployment moves from the primary ‘synsemantic’ stage to verbal differentiation, so the “compositional clot” (Mandelstam), initially arising as a single semantic impulse, unfolds in the level space of the language.

Thirdly, both the inner word and the artistic integrity postulated by Mandelstam exist in a special spatial modus, which is characterized by semantic simultaneity and

the absolute dominance of semantics over syntax. Fourthly, the finished speech product is understood by Mandelstam both as a result and as a process, which, on the one hand, leads to the aesthetics of a draft, and on the other hand, matches Mandelstam's ideas with the concepts of inner speech, where the remnants of the primary semantic syntax are found.

Keywords: Osip Mandelstam; inner speech; inner word; poetic semantics; psychopoetics; *Conversation about Dante*

For citation: Kikhney L., Temirshina O. (2023) "The Internal Form of the Verse" and the Inner Word: Osip Mandelstam's *Conversation about Dante* in the Psycholinguistic Perspective. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 86–102.

Концепция слова Мандельштама была подробно исследована в трудах мандельштамоведов, выявлены ее культурно-филологические основания [Паперно 1991; Померанц 1998; Кихней 2000] и проекции в поэтическую прагматику [Ronen 1983; Левин 1991; Генис 2003; Кихней, Меркель 2020]. Предметом настоящей работы стал психолингвистический аспект мандельштамовской теории слова. Поэтическое слово мыслится Мандельштамом как единица творческой лаборатории, что сопрягает его концепцию слова с вопросом порождения поэтического текста (о проблеме смысловой деривации в лирике Мандельштама см. [Кихней, Темиришина 2020]).

По нашей гипотезе, *проблема генезиса поэтического текста в поэтике и метапоэтике Мандельштама имеет свое онтологическое обоснование в идее внутренней речи*. Эта связь может объясняться тем, что поэтическая речь трактуется Мандельштамом не только как *ergon*, но и как *energeia*, в деятельностно-процессуальном аспекте. Отсюда чрезвычайный интерес поэта к тайной механике творчества. «Каждый зародыш (росток) должен обрастать своим словарем» [Гаспаров 2001: 9] — «физиологический» процесс этого «обрастания» находится в фокусе филологического интереса Мандельштама.

Внимание поэта к процессу рождения поэтического слова — узловой пункт семантики Мандельштама. Именно здесь в единую точку сводится поэтика и метапоэтика, а сами потаенные механизмы порождения поэтической речи оказываются то *объектом осмысления*, то *принципом изображения*. Так, генезис поэтической речи в творчестве Мандельштама может представлять как теоретическая проблема («Разговор о Данте»), сопрягаться с сюжетом поиска слова (стихотворения книги «Tristia») и быть основой семантической конструкции текста (внутреннеречевой код в этом случае реализуется в прагматике, семантике и синтаксисе поэтических произведений).

Методология исследования связывается с положениями отечественной психолингвистики. В современной психолингвистике внутренняя речь понимается как комплексное явление, которое захватывает территорию от авербальных зон (здесь внутренняя речь понимается как образ, перцептивное обобщение, схема предмета, см. [Горелов 2014; Жинкин 1998]) до развернутого монолога (в этом случае внутренняя речь интерпретируется как *речь в собственном смысле*, характеризующаяся особым лексико-грамматическим строем, см. [Выготский 1982: 295–362; Человеческий фактор в языке 1991: 96–124]).

Для нашей работы важен подход, связанный с лингвистикой. Соответственно методологическим ориентиром статьи стали исследования Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, Е.С. Кубряковой и др. В этой традиции внутренняя речь трактуется как первичный сгусток личностных смыслов, который развертывается во внешнем плане по определенным лингвистическим принципам (см. об этом [Ахутина 2014: 25]).

Проблема «внутренняя речь и художественный текст» уже становилась объектом пристального внимания литературоведов (см.: [Артюшков 2004; Блох, Сергеева 2011; Ковтунова 1986; Темиршина 2022]). В литературоведческих работах внутренняя речь трактуется либо как средство характеристики эпического героя, либо же как способ передать картину лирического сознания через внутренний монолог. Однако модернистская поэзия знает и принципиально иные случаи, где внутреннеречевой код, с одной стороны, организует саму семантическую композицию лирического высказывания, с другой стороны, оказывается имплицитным объектом поэтической рефлексии.

Один из возможных векторов такой рефлексии представлен в эссе Мандельштама «Разговор о Данте», которое и стало **объектом** настоящей работы. Это эссе неоднократно становилось объектом и предметов литературоведческого исследования (см. [Левин 1972; Баткин 1977; Исупов 2018; Глазова Е., Глазова М. 2012; Пенкина 2022]), однако в психолингвистическом аспекте оно еще не рассматривалось.

В центре «Разговора о Данте» находится вопрос о порождении поэтической речи. Сосредоточенность Мандельштама на самом процессе рождения слова закономерно ведет поэта к выявлению таких особенностей поэтической речи, которые в отдельных аспектах смыкаются со спецификой естественного внутреннего слова. Постараемся показать эти точки сопряжения.

«Внутренний образ стиха» и внутреннее слово. В первой части эссе Мандельштам утверждает, что исходным пунктом развертывания поэтического текста становится «внутренний образ стиха»

[Мандельштам 2001: 559]¹. Понятие внутреннего образа встречалось в теоретических работах Мандельштама и ранее. Так, в статье «Слово и культура» Мандельштам, описывая начальный этап творчества, утверждает, что «внутренний образ» является дотекстовой реальностью: «Стихотворение живо внутренним образом, тем звучащим слепком формы, который предворяет написанное стихотворение. Ни одного слова еще нет, а стихотворение уже звучит. Это звучит внутренний образ...» (с. 432).

Сущностные свойства «внутреннего образа» в работах Мандельштама похожи на структурные особенности внутреннего слова.

Во-первых, внутренний образ, являясь образом аудиальным, находится на границе между акустическим образным впечатлением и словом: он уже «слышится», «звучит», но — пока находится за пределами текста. Так понимаемый внутренний образ напоминает внутреннеречевое слово, являющееся исходным пунктом развертывания неавтоматизированной внешней речи. Внутреннеречевое слово, как и «внутренний образ» Мандельштама, имеет «двойную прописку»: оно одновременно связывается с образной и вербальной зоной. Внутреннее слово еще не в полной мере *слово* (оно в живом пластическом виде сохраняет первичные образные впечатления), но уже не в полной мере *образ* (оно заключает в себе вербальные протознаки, которые означивают образное впечатление). «Внутренние слова, — пишет Т.В. Ахутина, — имеют двойную репрезентацию (языковое значение и динамический образ), что снимает <...> многие противоречия в спорах о природе внутренней речи» [Ахутина 2009].

Во-вторых, во внутреннем образе доминирует артикуляционно-акустическое измерение, полностью заменяющее визуальное: этот звучащий образ «проявляется» *артикуляционно* в работе речевого аппарата («Уста работают, улыбка движет стих, умно и весело алеют губы, язык доверчиво прижимается к небу», с. 559) и *интонационно* («звучание есть собственно речь, то есть интонационная и фонетическая работа...», с. 557). Мандельштам такое звучание называет «формозучанием», подчеркивая его генетический аспект.

Внутреннее слово, готовое развернуться во внешнюю речь, как и «внутренний образ», готовый воплотиться в стихотворении, — также соотносится с речедвигательным кодом, артикуляцией и внутренним интонированием.

Так, А.Н. Соколов пишет, что на инициальном этапе развертывания речи «не было слов в грамматическом значении, а лишь не-

---

¹ В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте работы с указанием страницы.

которые элементы артикулирования, которые становились носителями общего смысла» [Соколов 2007: 94]. Эти зачатки артикуляции «становились конденсированным выражением больших смысловых групп. <...> Мы имеем, таким образом, факт необычайно большого расширения значения слов и представлений, которыми мы пользуемся во ВР» [Соколов 2007: 100]. Любопытно, что «отрывочные элементы артикулирования» обычно связаны с яркими образами [Соколов 2007: 46].

Что касается интонации, то неавтоматизированная внутренняя речь также первично может реализовываться не только в вербально-образных формах, но и в определенных интонационно-синтаксических матрицах. И.Н. Горелов полагает, что на первой стадии порождения высказывания потребность сказать нечто материализуется в интонационно-синтаксической схеме и ритмических характеристиках высказывания [Горелов 2014: 46–47]. Для поэтической речи — в силу ее природы — вопрос интонирования, по-видимому, является ключевым. Именно поэтому звучащий образ стиха связывается Мандельштамом с ритмическим членением текста, когда «Inferno» прославляет «походку, размер и ритм шагов» (с. 560).

Получается, внутренний образ стиха структурно и функционально родственен внутреннему слову. Оба феномена соотнесены с дотекстовой/доречевой реальностью, имеют двойную привязку к образу и слову и первично проявляются в артикуляционно-синтаксическом коде.

«Композиционный сгусток» и «сгусток личностных смыслов»: механика развертывания. После дотекстовой стадии «внутреннего образа стиха» следует этап начальной дифференциации первичного образного впечатления, рассмотренный во второй части «Разговора о Данте».

«Внутренний образ», стоящий у начала поэтического произведения, особенным способом воплощается в текстовой ткани. Текст, полагает Мандельштам, не рождается из суммирующего складывания отдельных частей, но развертывается из некоей изначальной целостности: «вещь возникает как целокупность в результате единого дифференцирующего порыва, которым она пронизана» (с. 562); «...композиция складывается не в результате накопления частных, а вследствие того, что одна за другой деталь отрывается от вещи, уходит от нее...» (с. 561).

Именно здесь появляется образ «композиционного сгустка», который должен развернуться: «Дант вталкивает нас во внутреннюю слепоту композиционного сгустка <...> Все усилия направлены на борьбу с гущиной и неосвещенностью места. Световые формы про-

резаются, как зубы. Разговор здесь необходим, как факелы в пещере» (с. 562–563).

Предикат «композиционного сгустка» — «внутренняя слепота». В поэтической системе соответствий Мандельштама слепота, являясь знаком потерянного слова (ср. образ забытого слова как слепой ласточки в стихотворении «Я слово позабыл, что я хотел сказать...»), сопрягается с темнотой и подземным миром («...И мысль бесплотная в чертог теней вернется», с. 79). В таком контексте «борьба с гущиной и неосвещенностью места» может пониматься как развертывание первоначального композиционного «пучка», раскрытие, осуществляемое через произнесение слова, «разговор», который, как факелы в пещере, расчленяет световыми лучами эту первоначальную смысловую сгущенность.

Примечательны глаголы, описывающие этот процесс: *прорезаться* («световые формы прорезаются...», с. 563), *выпрыгивать* («дерзко выпрыгивающих из текста», с. 563), *разворачиваться* («здесь разворачивается как бы фехтовальная таблица спряжений», с. 563) — все эти глаголы указывают на вычленение из первоначального недифференцированного композиционного сгустка отдельных формальных компонентов.

Представления Мандельштама о развертывании композиционного сгустка — психологически точны. Речь — и не только поэтическая — на первом этапе зарождается не кумулятивно, через присоединение частей, но возникает как свернутая образно-вербальная структура, которая затем разворачивается, частично теряя отдельные элементы первичного единства, частично прирастая новыми.

О развертывании внешней речи из внутреннего сгущенного слова писал еще Л.С. Выготский. Внутреннее слово, по мнению Выготского, является «концентрированным сгустком смысла. Для перевода этого значения на язык внешней речи пришлось бы развернуть в целую панораму слов влитые в одно слово смыслы» [Выготский 1982: 350].

Вслед за Выготским развертывание внешней речи из первичного внутреннеречевого субстрата постулировалось и в отечественной психолингвистике: «Внутреннее слово — полагает Е.С. Кубрякова, — это <...> сгусток личностных смыслов, целый семантический комплекс, который на стадии его озвучивания, перевода во внешнюю речь... должен быть расчленен на части, соответствующие <...> конвенциональным языковым значениям... Внутреннее слово, этот зародыш будущего высказывания, еще лишен грамматических признаков...» [Человеческий фактор 1991: 64]. Ср. также: «Мысль первоначально существует как целостный гештальт, как своеобразный сгусток личностных смыслов. Но для вербализации она требует

организации в определенным образом расчлененную структуру» [Человеческий фактор 1991: 29–30].

Таким образом, «композиционный сгусток» Мандельштама, из которого разворачивается текст Поэмы, структурно напоминает «сгусток личностных смыслов», из которых развертывается естественная речь.

Смысловая симультанность поэтического текста и внутреннего слова. Мандельштамовское представление о прообразе дантовской Поэмы как о «композиционном сгустке», где нераздельно сосуществуют ее смыслы, закономерно приводит поэта к утверждению особого пространственного модуса текста Данте. Дантовская Поэма — это симультанное, «одновременное» образование, которое каким-то образом сохраняет первичную слитность изначального дословесного состояния.

«Представлять себе дантовскую поэму вытянутым в одну линию рассказом или даже голосом — абсолютно неверно», ибо «Алигьери построил в словесном пространстве бесконечно могучий орган и уже наслаждался *всеми* его мыслимыми регистрами <...>, и ворковал во *все* трубы <курсив наш. — Л.К., О.Т.>» (с. 566). В рамках этого симультанного единства все его компоненты как бы склеиваются друг с другом. Взятая в таком ракурсе «Божественная комедия» «представляет собой одну единственную, единую и недробимую строфу» (с. 569).

Такое склеивание смыслов — или их «скрещивание» в терминологии Мандельштама — может быть структурно уподоблено механизмам агглютинации и «вливания смыслов», важнейшим для семантики внутренней речи. Внутренняя речь предполагает «асинтаксическое слипание слов» [Выготский 1982: 349], «вливание многообразного смыслового содержания в единое слово» [Выготский 1982: 352], когда смыслы всей речи, еще не развернутой, уже как бы существуют одновременно во внутреннеречевом коде.

Подобное «агглютинированное» слово включает в себя все возможные контекстуальные смыслы текста. В этом пункте снова возникает пересечение идей Выготского и Мандельштама, касающихся природы художественной и внутренней речи.

Так, Выготский, указывая на глубинное сродство художественного слова и внутренней речи, отмечает, что художественное слово, как и внутреннее, может стать смысловым эквивалентом всего текста, ибо оно заключает в себе его основные смысловые линии: «Слово, проходя сквозь какое-либо художественное произведение, вбирает в себя все многообразие заключенных в нем смысловых единиц и становится по своему смыслу как бы эквивалентным всему произведению в целом» [Выготский 1982: 349]. Этот же механизм

используется и во внутренней речи: «Подобно тому как весь многообразный смысл этой поэмы может быть заключен в тесные рамки двух слов, так точно огромное смысловое содержание может быть во внутренней речи влиито в сосуд единого слова» [Выготский 1982: 350].

Представление о словесных конструкциях как о «едином слове» и, в силу этого, о слове как о чрезвычайно насыщенной семантической единице находим и в «Разговоре о Данте». «Всякий период стихотворной речи — будь то строчка, строфа или цельная композиция лирическая — необходимо рассматривать как единое слово <...>. Любое слово является пучком и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку» (с. 567), — пишет Мандельштам, как будто бы вторя Выготскому.

Представления Мандельштама и Выготского о художественном/внутреннем слове как о семантическом сгустке приводят к типологическому сходству, касающемуся отношений формы и содержания в рамках этого «сгущенного» единства. В обоих случаях при выявлении специфики этих отношений отрицается механистическое соединение формы и содержания и используется метафора конденсации.

Так, Выготский полагает, что при воплощении личностных смыслов в речь нет ассоциативно-механического соотношения формы (слово) и содержания (мысль); мысль, скорее, «можно было бы сравнить с нависшим облаком, которое проливается дождем слов» [Выготский 1982: 356]. Точно такие же отношения между формой и содержанием у Мандельштама: «как это ни странно, форма выжимается из содержания-концепции <...> Но выжать что бы то ни было можно только из влажной губки или тряпки» (с. 568).

Таким образом, в обоих случаях не содержание воплощается в форму, а форма «выжимается» из первичного содержания, исходит из него подобно влаге.

Синтаксис vs. семантика. Если внутреннее слово — это симультанное образование, где смыслы находятся в предельно сгущенном виде, то доминирование семантики над синтаксисом, которое отмечают все исследователи внутренней речи, — закономерно. Общеизвестно, что неавтоматическая внутренняя речь отрицает линейное грамматическое развертывание, внутреннеречевые сгустки, с которых начинается процесс речепорождения, по своей природе асинтаксичны.

«Упрощенность синтаксиса, минимум синтаксической расчлененности, высказывание мысли в сгущенном виде, значительно меньшее количество слов», — вот как характеризует лингвистическую структуру внутренней речи Выготский [Выготский 1982: 335].

Эта идея разрабатывалась и в более поздних исследованиях. Внутреннее слово на ранних этапах в норме подбирается по значению (см. об этом: [Ахутина 2014: 25–26]), оно существует как «зародыш будущего высказывания», который «еще лишен грамматических признаков» [Человеческий фактор 1991: 64], это сгущенное семантическое единство представлено в форме симультанной семантической записи [Лурия 1979: 195].

Сгущение семантики — по реципрокному принципу — всегда сопровождается редукцией синтаксической стороны речи. Именно поэтому поэтический текст, взятый как единое уплотненное в смысловом отношении слово, невозможно представить в синтаксическом грамматическом коде — этому противится его смысловая нелинейность. В этом пункте концепция поэтического произведения, представленная в «Разговоре о Данте», и идея внутренней речи, разработанная Выготским, снова типологически пересекаются.

«...Все наше учение о синтаксисе, — пишет Мандельштам, — является мощнейшим пережитком схоластики <...> — в искусствоведении эта схоластика синтаксиса не преодолевается и наносит ежедневно колоссальный вред» (с. 576).

Данте, по мнению Мандельштама, отрицает линейный синтаксис, отсюда и ряд метафор, через которые Мандельштам выражает эту идею. Композиция песен Поэмы, по словам Мандельштама, напоминает «неустанное обращение голубиных почт», извилистые траектории пути по реке, «загроможденной подвижными и разноустремленными китайскими джонками» (с. 558); она выстраивается по закону «парусного лавирования» (с. 577) так, что «трудно спустаться по излогам его многообразного стиха» (с. 579).

Общим семантическим компонентом приведенных метафор становится идея смыслового пространства, которое, заключая в себе одновременно множество семантических траекторий, выражает идею симультанности смыслов, столь характерную для внутреннего слова.

Так, и мошкара, и джонки, и парусный извилистый путь, и схема курсирования голубей — это объекты с одинаковой структурой. Эта целостность состоит из множества элементов, в границах которого возможен переход с одного элемента на другой. Внутри этой множественности переход может быть в известной степени случайным, однако при этом он ограничен рамками самой семантической структуры.

Говоря иначе, сложная семантическая целостность, о которой Мандельштам ведет речь, может разворачиваться по разным смысловым линиям. Полагаем, что именно так в поэтической практике Мандельштама рождаются тексты-двойчатки, когда из одного смыс-

лового мотивно-образного кластера — некоего доречевого единства — возникают разные стихотворения, где элементы исходного множества комбинируются каждый раз заново.

Очевидно, что в такой семантической модели синтаксис занимает абсолютно подчиненное положение, уступая семантике. В рамках этой модели по-новому видится идея «гераклитовой метафоры», возможно инспирированная интересом к философии античного мыслителя (см.: [Кихней 2020]). «Гераклитова метафора» — это особенный авторский троп, который базируется не на общем смысловом признаке двух планов метафоры, но «работает» с текучими смыслами. Гераклитовы метафоры принципиально асинтаксичны: они «превосходят наши понятия о композиции, поскольку наше искусствоведенье, рабствующее перед синтаксическим мышленьем, бесильно перед ними» (с. 578).

«Семантичность» гераклитовой метафоры связывает ее с идеей «композиционного сгустка», в рамках которого смыслы симультанно сосуществуют в рамках особенного смыслового пространства. И недаром предикат «гераклитов» используется в статье еще раз, когда речь идет о прихотливой логике взаимодействия элементов внутри семантического целого. Так, с «гераклитовым танцем летней мошкеры» связывается идея «разбросанной азбуки» — она предстает «в виде прыгающего, светящегося, разбрызганного алфавита», из элементов которого «по закону обратимости поэтической материи» складываются «смысловые формулы» (с. 578).

Таким образом, гераклитова метафора оказывается еще одним аналогом первичного смыслового единства, из которого прорастают готовые поэтические формулы — в этом контексте по своей структуре она близка «внутреннему образу», «композиционному сгустку» и — в аспекте нашей темы — внутреннему слову, которое симультанно содержит в себе основные смыслы рождающейся речи.

Изофункциональность внутреннего слова и гераклитовой метафоры подчеркивается их общим метафорическим предикатом «текучесть». «Геркалитова метафора», по словам Мандельштама, подчеркивает «текучесть явления» (с. 577). Характеризуя смысловую концентрированность внутренней речи, Выготский также обращается к водной метафоре течения смыслов. Приведем знаменитую цитату: «Смыслы как бы вливаются друг в друга и как бы влияют друг на друга, так что предшествующие как бы содержатся в последующем или его модифицируют» [Выготский 1982: 349]. К слову, у этой цитаты есть и менее известное продолжение, где Выготский утверждает, что ровно такие же внутреннеречевые механизмы используются и в художественной речи: «Что касается внешней речи, то мы наблюдаем аналогичные явления особенно часто в худо-

жественной речи» [Выготский 1982: 349]. По-видимому, Мандельштаму также удалось увидеть эту глубокую смысловую сопряженность внутренней речи и художественного слова.

Археология текста: «черновик» и внутренняя речь. Одна из ключевых эстетических установок Мандельштама заключается в том, что в законченном произведении может оставаться тот самый звучащий слепок формы, который парадоксально сохраняется в виде черновика, включенного в структуру окончательного текста: «...сама стадильность работы скульптора соответствует серии черновиков. Черновики никогда не уничтожаются. В поэзии, в пластике и вообще в искусстве нет готовых вещей» (с. 576).

Стадильность работы как будто застывает в материальной фактуре произведения, в финальном тексте остаются «археологические» следы замысла: «Готовая вещь есть не что иное, как каллиграфический продукт, неизбежно остающийся в результате исполнительского прорыва» (с. 602). «Предметом науки о Данте, — пишет Мандельштам, — станет, как я надеюсь, изучение соподчиненности порыва и текста» (с. 603).

Именно такой — археологический — подход к тексту постулируется в отечественной психолингвистике. Еще А.А. Леонтьев отмечал, что «попытки прорваться к внутренней речи через тексты могут быть вполне осуществимы» [Леонтьев 2000: 373]. Более того, «каждое звено <порождения речи — Л.К., О.Т.> характеризуется собственными свойствами и механизмами, а существование его может быть доказано тем, что в семантику предложения благодаря его действию включаются особые компоненты значения» [Человеческий фактор 1991: 46]. По сути, именно «соподчиненность порыва и текста» (в терминологии Мандельштама) изучается в работах, темой которых становится поиск следов первичного замысла в законченном речевом произведении (см. обзор литературы, посвященной этому вопросу: [Залевская 2009]).

Следует оговориться, что идею Мандельштама о том, что «в поэзии нет готовых вещей», *не следует* понимать в духе генетической критики, постулирующей постмодернистскую равнозначность всех черновиков относительно канонического текста. Необходимо учитывать чрезвычайный интерес позднего Мандельштама к тому, как процесс формообразования отражается в поэтическом произведении. И на этом пути возникают метафоры, которые позволяют с известной степенью наглядности представить это формообразующее движение.

Концепция черновика, включенного в окончательный текст, позволяет интерпретировать кристаллографическую и «механическую» метафоры генезиса Поэмы. Так, в первом случае Поэма упо-

добляется огромному кристаллу, по осям которого идет непрерывный процесс формообразования, при этом нижние уровни кристалла не отменяют верхних, так же, как окончательный текст не отменяет более ранних черновых версий (с. 569). Во втором случае Поэма уподоблена самолету, который «на полном ходу конструирует и спускает другую машину. Эта летальная машина также точно <...> успевает собрать и выпустить еще третью» (с. 574).

Очевидно, что процессы кристаллообразования и конструирования машины, взятые как метафоры порождения поэтического текста, структурно сходны: первичный поэтический замысел как будто оплотняется, «оседает» на разных уровнях своего воплощения: при этом, с одной стороны, в процессе реализации он трансформируется, а с другой стороны, эти трансформации строго обусловлены и предопределены формообразующим порывом. Именно поэтому, несмотря на изменения формы, кристалл остается кристаллом (ибо сам процесс образования кристалла строжайше задан), а самолет выпускает самолеты (ибо новая машина конструируется по заранее намеченной схеме).

Таким образом, задаваясь вопросом о лаборатории Данте, Мандельштам предлагает свою концепцию *генезиса* поэтического текста, понимаемого им как *оплотнение, кристаллизация* первичного порыва, который как бы «послойно» застывает в вербальном материале текста. Отсюда и «двойное» понимание поэтического произведения — это и процесс, и результат одновременно, ибо дантовский порыв можно взять «и как полет», и «как нечто готовое» (с. 601).

Исследование ламаркистского «формообразующего порыва» в проекции на поэтический текст приводит к тому, что Мандельштам удивительным образом прорывается к психологической реальности. Характерные черты произведения Данте, которые выявляет Мандельштам в проекции на свои собственные эстетические принципы, изоструктурны построению внутренней речи: предельная семантическая сгущенность художественного слова, которое сохраняет в себе остатки первичного смыслового синтаксирования; симультанное сосуществование смыслов; абсолютное доминирование семантического измерения и подчиненное положение синтаксиса; представление о порождении поэтического текста как о расчленении первичного единства («внутреннего образа стиха», его «композиционного сгустка»), эстетика черновика — все эти особенности получают свое целостное объяснение через внутреннеречевой код.

Интуитивное движение поэта к психологии в контексте эпохи предполагает и обратный путь: движение психолога к поэтике. И в этом смысле, кажется, что Л.С. Выготский — основоположник подлинно научного изучения внутренней речи — не случайно вы-

брал эпиграф к седьмой — ключевой — главе книги «Мышление и речь» из стихотворения Мандельштама: «Я слово позабыл, что я хотел сказать, И мысль бесплотная в чертог теней вернется...» (так у Выготского!). По-видимому, именно эта фраза — по принципу внутренней речи — «конденсирует» основные смыслы этой знаменитой главы и ставит вопрос о внутренней речи в поэтике Мандельштама на историко-литературный фундамент.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артюшков И.В.* Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе (на материале романов Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого): Автореф. ... д. филол. наук. М., 2004.
2. *Ахутина Т.В.* Вместо введения: Механизм порождения речи по данным афазиологии // Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М., 2014. С. 11–33.
3. *Ахутина Т.В.* Роль правого полушария в построении текста // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2009. С. 5–26.
4. *Баткин Л.* Данте в восприятии русского поэта // Средние века. Вып. 35. М., 1977. С. 283–286.
5. *Блох М.Я., Сергеева Ю.М.* Внутренняя речь в структуре художественного текста. М., 2011.
6. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии. М., 1982. С. 5–362.
7. *Гаспаров М.Л.* Мандельштам // Стихотворения. Проза. М., 2001. С. 3–23.
8. *Генис А.* Метаболизм поэзии. Мандельштам и органическая эстетика // Генис А. Сочинения: В 3 т. Т. 2. Расследования. Екатеринбург, 2003. С. 311–329.
9. *Глазова Е., Глазова М.* Подсказано Дантом. О поэтике и поэзии Мандельштама. Киев, 2012.
10. *Горелов И.Н.* Невербальные компоненты коммуникации. М., 2014.
11. *Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Жинкин Н.И. Язык — речь — творчество (Избранные труды). М., 1998. С. 146–163.
12. *Залевская А.А.* Речевая ошибка как инструмент научного исследования // Теоретические проблемы психолингвистики. 2009. № 9. С. 6–22.
13. *Исупов К.Г.* Герменевтика Мандельштама («Разговор о Данте») // Вестник РХГА. 2018. Т. 19. Вып. 2. С. 287–300.
14. *Кихней Л.* Мандельштам и Гераклит // *Literatūra*. 2020. Т. 62. № 2. С. 10–46.
15. *Кихней Л.Г.* Осип Мандельштам: Бытие слова. М., 2000.
16. *Кихней Л.Г., Меркель Е.В.* Осип Мандельштам: философия слова и поэтическая семантика. 3-е изд. М., 2020.
17. *Кихней Л.Г., Темиришина О.Р.* Каменная парадигма «Грифельной оды» О. Мандельштама: к механизмам смысловой деривации // Вестник Томского университета. Филология. 2020. № 64. С. 167–195.
18. *Ковтунова И.И.* Поэтический синтаксис. М., 1986.
19. *Левин Ю.* Заметки к «Разговору о Данте» О. Мандельштама // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1972. XV. С. 184–197.
20. *Левин Ю.И.* Заметки о поэтике О. Мандельштама // Слово и судьба: Осип Мандельштам. Исследования и материалы. М., 1991. С. 350–371.
21. *Леонтьев А.А.* Лекции по общей психологии. М., 2000.

22. Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.
23. Мандельштам О. Стихотворения. Проза. М.; Харьков, 2001.
24. Паперно И. О природе поэтического слова. Богословские источники спора Мандельштама с символизмом // Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 29–36.
25. Пенкина А. Дантологический аспект «Разговора о Данте» // Вопросы литературы. 2022. № 2. С. 148–165.
26. Померанц Г. Слово-Психия // Померанц Г. Страстная односторонность и бесстрастие духа. М.; СПб: Университетская книга, 1998. С. 188–197.
27. Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. М., 2007.
28. Темиришина О.Р. Грамматика поэта. Структуры внутренней речи в лирике Егора Летова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 269–290.
29. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991.
30. Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem: Magnes Press, The Hebrew University, 1983.

REFERENCES

1. Artyushkov I.V. *Vnutrennyaya rech' i ee izobrazhenie v khudozhestvennoy literature (na materiale romanov F.M. Dostoevskogo i L.N. Tolstogo)* [Inner speech and its depiction in fiction (based on the novels of F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow. 48 p.
2. Akhutina T.V. *Vmesto vvedeniya: Mekhanizm porozhdeniya rechi po dannym afaziologii* [Instead of an Introduction: The Mechanism of Speech production According to Aphasiology]. Neyrolingvisticheskiy analiz leksiki, semantiki i pragmatiki [Neuro-linguistic Analysis of Vocabulary, Semantics and Pragmatics]. Moscow, *Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ.*, 2014, pp. 11–33.
3. Akhutina T.V. *Rol' pravogo polushariya v postroyenii teksta* [The Role of the Right Hemisphere in the Construction of the Text]. *Psikholingvistika v XXI veke: rezul'taty, problemy, perspektivy. XVI Mezhdunarodnyy simpozium po psikholingvistike i teorii kommunikatsii* [Psycholinguistics in the XXI Century: Results, Problems, Prospects. XVI International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory]. Moscow, 2009, pp. 5–26.
4. Batkin L. *Dante v vospriyatii russkogo poeta* [Dante in the Perception of the Russian Poet]. *Sredniye veka* [Middle Ages]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1977, pp. 283–286.
5. Blokh M.Ya., Sergeeva Yu.M. *Vnutrennyaya rech' v strukture khudozhestvennogo teksta* [Inner Speech in the Structure of a Literary Text]. Moscow, *Prometei Publ.*, 2011. 180 p.
6. Vygotskiy L.S. *Myshlenie i rech'* [Thinking and Speech]. *Sobr. Soch. v 6 t. Tom 2* [Collected Works in 6 Vol. Vol. 2]. Moscow, *Pedagogika Publ.*, 1982, pp. 5–362.
7. Gasparov M.L. *Mandel'shtam* [Mandelstam]. *Stikhotvoreniya. Proza* [Poems. Prose]. Moscow, Kharkiv, AST, *Folio Publ.*, 2001, pp. 3–23.
8. Genis A. *Metabolizm poezii. Mandel'shtam i organicheskaya estetika* [Metabolism of Poetry. Mandelstam and Organic Aesthetics]. *Sochineniya: V 3 t. T. 2. Rassledovaniya* [Works: In 3 vols. Vol. 2. Investigations]. Yekaterinburg, *U-Faktoriya Publ.*, 2003, pp. 311–329.
9. Glazova Ye., Glazova M. *Podskazano Dantom. O poetike i poezii Mandel'shtama* [Prompted by Dant. On the Poetics and Poetry of Mandelstam]. Kyiv, *Dukh i litera Publ.*, 2012. 724 p.
10. Gorelov I.N. *Neverbal'nye komponenty kommunikatsii* [Non-Verbal Components of Communication]. Moscow, *Knizhnyy dom "LIBROKOM" Publ.*, 2014. 112 p.

11. Zhinkin N.I. *O kodovykh perekhodakh vo vnutrenney rechi* [About Code Transitions in Inner Speech]. *Yazyk — rech' — tvorchestvo* (Izbrannye trudy) [Language — Speech — Creativity (Selected works)]. Moscow, *Labirint Publ.*, pp. 146–163.
12. Zalevskaya A.A. *Rechevaya oshibka kak instrument nauchnogo issledovaniya* [Speech Error as a Tool for Scientific Research]. *Teoreticheskiye problemy psikholingvistiki*, 2009, № 9. pp. 6–22.
13. Isupov K.G. *Germenevtika Mandel'shtama* (“Razgovor o Dante”) [Hermeneutics of Mandelstam (“Talk about Dante”)]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 2018, Vol. 19. Issue. 2, pp. 287–300.
14. Kikhney L. *Mandel'shtam i Geraklit* [Mandelstam and Heraclitus]. *Literatūra*, 2020, vol. 62, № 2, pp. 10–46.
15. Kikhney L.G. *Osip Mandel'shtam: Bytiye slova* [Osip Mandelstam: The Genesis of the Word]. Moscow, *Dialog-MGU Publ.*, 2000. 146 p.
16. Kikhney L.G., Merkel' Ye.V. *Osip Mandel'shtam: filosofiya slova i poeticheskaya semantika* [Osip Mandelstam: Philosophy of the Word and Poetic Semantics]. Moscow, *Flinta Publ.*, 2020. 200 p.
17. Kikhney L.G., Temirshina O.R. *Kamennaya paradigma «Grifel'noy ody» O. Mandel'shtama: k mekhanizmam smyslovoy derivatsii* [Stone Paradigm of “Slate Ode” by O. Mandelstam: to the Mechanisms of Semantic Derivation]. *Vestnik Tomskogo universiteta. Filologiya*, 2020, № 64, pp. 167–195.
18. Kovtunova I.I. *Poeticheskii sintaksis* [Poetic Syntax]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1986. 296 p.
19. Levin Yu. *Zametki k “Razgovoru o Dante” O. Mandel'shtama* [Notes to the “Conversation about Dante” by O. Mandelstam]. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 1972, XV, pp. 184–197.
20. Levin Yu.I. *Zametki o poetike O. Mandel'shtama* [Notes on the Poetics of O. Mandelstam]. *Slovo i sud'ba: Osip Mandel'shtam. Issledovaniya i materialy* [Word and fate: Osip Mandelstam. Research and materials]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1991, pp. 350–371.
21. Leont'yev A.A. *Lektsii po obshchey psikhologii* [Lectures on General Psychology]. Moscow, *Smysl Publ.*, 2000. 511 p.
22. Luriya A.R. *Yazyk i soznaniye* [Language and Consciousness]. Moscow, *Moskovskiy Universitet Publ.*, 1979. 336 p.
23. Mandelstam O. *Stikhotvoreniya. Proza* [Poems. Prose]. Moscow, Kharkiv, *AST, Folio Publ.*, 2001. 736 p.
24. Paperno I. *O prirode poeticheskogo slova. Bogoslovskiy istochniki spora Mandel'shtama s simvolizmom* [On the nature of the Poetic Word. Theological Sources of Mandelstam's Dispute with Symbolism]. *Literaturnoye obozreniye*, 1991, № 1, pp. 29–36.
25. Penkina A. *Dantologicheskii aspekt “Razgovora o Dante”* [Dantological aspect of “Talk about Dante”]. *Voprosy literatury*, 2022, № 2, pp. 148–165.
26. Pomerants G. *Slovo-Psikheya* [Word-Psyche]. *Strastnaya odnostonnost' i besstrastiye dukkha* [Passionate One-sidedness and Dispassion of the Spirit]. Moscow; Saint Petersburg, *Universitetskaya kniga Publ.*, 1998, pp. 188–197.
27. Sokolov A.N. *Vnutrennyaya rech' i myshlenie* [Inner Speech and Thinking]. Moscow, *LKI Publ.*, 2007. 256 p.
28. Temirshina O.R. *Grammatika poeta. Struktury vnutrenney rechi v lirike Yegora Letova* [Poet's Grammar. Structures of Inner Speech in the Lyrics of Yegor Letov]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2022, № 80, pp. 269–290.
29. *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazyk i porozhdenie rechi* [Human Factor in Language. Language and the production of speech]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1991. 240 p.
30. Ronen O. *An approach to Mandelstam*. Jerusalem: Magnes Press, The Hebrew University, 1983. 396 p.

Поступила в редакцию 10.06.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 15.09.2023

Received 10.06.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 15.09.2023

ОБ АВТОРАХ

Кихней Любовь Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы Московского университета имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия; lgkihney@yandex.ru

Темиршина Олеся Равильевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы подготовительного факультета Российского государственного социального университета; o.r.temirshina@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Liubov Kikhney — Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Moscow University named after A.S. Griboyedov; lgkihney@yandex.ru

Olesya Temirshina — Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language and Literature, Preparatory Faculty, Russian State Social University; o.r.temirshina@yandex.ru